

Александр Миронов

Русская удаль

Сборник рассказов

Александр Миронов

Русская_удаль.

«Автор»

2026

Миронов А. Л.

Русская_удаль. / А. Л. Миронов — «Автор», 2026

Топотков интересуется своим поведением на пирушке. Получает от неё одобрительный ответ, и слышит в трубку голоса её коллег, одобрение. Отчего вскакивает из-за стола. Едва не пускается в пляс. И дёрнула нелёгкая спросить: значит, сегодня будет продолжение банкета? Дескать, он приглашал. На что жена резко обрывает разговор. И голос её, не такой мягкий уже, роняет его на стул. Допрыгался, танцор!

© Миронов А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Александр Миронов Русская_удаль.

Александр Миронов.
Сборник рассказов
«Русская удаль».

Русская удаль.
Удаль не порок,
да не теряй умок.
Поговорка.

Иван Трофимович Топотков расхаживал по кабинету. Все сотрудники на сельхоз работах в подшефном хозяйстве.

С самого утра у него не выходило из головы вчерашнее застолье. И вся эта компания и зал кафе время от времени вставало у него в воображении. Он был приглашён с женой на день рождения: начальник жены справлял своё шестидесятилетие. Народ собрался разный и незнакомый, какой-то сдержанный, молчаливый. Чопорная публика.

Правда, потом, когда выпили раза по три и уже не шампанского, немного разговорились, расслабились.

"Если месяцами не выходить на люди, поневоле забудешь, как вести себя в обществе. Теряешь опыт. Дичаешь", – философски заключил Иван Трофимович, приостановившись у телефона.

Хотелось позвонить жене, но он медлил. Что-то неясное томило душу.

Лучи солнца просвечивали сквозь редкую весеннюю листву деревьев за окном, и, отражаясь от линолеума на полу, зайчиками играли на потолке, на стеклянных дверцах шкафа, освещая рабочий кабинет Ивана Трофимовича.

Мда... Вспомнилось, как после четвёртого или пятого тоста он сам выдал здравицу.

– Дорогие гости, мы все, собравшиеся за этим прекрасно сервированным столом, и чувствуем не только именинника, хотя, разумеется, в его честь этот банкет. Но мы, я бы так сказал, целую эпоху в его лице чувствуем. Можно только представить какие годы легли на плечи этого удивительного человека. Но они не сломались, они выдержали, и их гордо несёт эта широкая грудь... – кажется, такую околесицу нёс.

И хотя за столом сидел сморчок ростом не выше подростка, однако от слов Ивана Трофимовича в глазах публики тот вырос до исполина. Одна дама даже в ладоши захлопала, и её поддержали. Может быть, ей почудилась ирония в его словах, но Иван Трофимович не шутил.

Иван Трофимович кисло усмехнулся, дёрнув уголком пухлых губ, и вновь заходил по кабинету. За окном доносился городской шум, стук и визг трамвайных колёс, сигналы автомобилей. Офис располагался в доме, стоявший на перекрёстке двух улиц, и вся городская, казалось, канитель, шум – витали над этим домом и через полуоткрытое окно заполняли кабинет. Особенно неприятно отражался в голове писк и скрип трамвайных колёс. Он словно бы вытягивал из мозгов невидимые ниточки нейронов, отчего не опохмелённую голову пронизывали болевые ощущения. Хорошо, что трамваи ходили не часто.

Потом танцы начались. Под магнитофон, импортный. Не танцы – кривлянье. Дёргались, кривлялись один перед другим, как припадочные.

Иван Трофимович, будучи помоложе, к таким разминкам относился терпимо, иногда и сам принимал в них участие. Но с возрастом начал стесняться. Что-то находил в них дурствен-

ное, неприличествующее людям среднего возраста, к коим стал себя относить. Но сейчас, куда не глянь, везде парализованные: по телевизору, в кино, на дискотеках, и вот, на гулянках тоже.

В детстве, в школе был кружок художественной самодеятельности, и он в нём занимался. В нём же научился танцевать вальсы – вот где полёт, фантазия!..

– И-эх! – и он закружился.

Научился плясать "русскую", "флотскую чечётку". По крайней мере, дробить степ ещё мог, и ладони для прихлопований не отсохли.

Иван Трофимович вдруг подпрыгнул, подбоченился и, отстучав чечётку, пошёл по кабинету в пляс.

– Та-д, та-д, та-та! Та-та-та-та-д, та-та!.. – аккомпанировал он сам себе.

Эх, были ж танцы на Руси! Куда что подевалось? Куда?.. Даже пьянки ради редко удаётся сбацать.

– Эх-эх! Эх-ма! – Иван Трофимович остановился у двери, вздохнул полной грудью и рассмеялся.

Всюду, где бы ему не доводилось гулять в компаниях, всегда испытывал пламенное желание сплясать, станцевать нормальный танец под нормальную музыку. Душа так и рвётся из груди птицей. Так и хочется топнуть ножкой. Но не танцуют теперь, не пляшут, к сожалению, – сплошные папуасы. И что с нами происходит? Вот, дикость!..

Правда, вчера немного подёргался.

– Вытащила, гиббониха! – не зло ругнулся Иван Трофимович на женщину, которая пригласила его на групповые припадки под чёрте что. Отказаться было неудобно, это была та, что хлопала в ладоши на его тост.

Думал, так и пройдёт всё веселье – в кривляньях и рокоте магнитофона.

Однако появился баянист, и разом вечер изменился. По крайней мере, для него. Вот тут уж он отвёл душу. Выдал по всей форме и "русского" и "цыгана"... А эти вихляют задами, дрыгаются, а под "флотскую чечётку" подстроиться не могут. Ноги словно шурупам к полу привёрнуты: туда-сюда, туда-сюда на одном месте.

– Ха-ха! Смех! – своё, русское не умеют, а папуасам подражают. Цивилизованный народ, называется. Сты-до-ба!.. Частушек не знают. Или уж сановитость не позволяет? А он пел, и все пёкатом катались. Ржали, как лошади. Всех развеселил.

Иван Трофимович улыбался, почёсывая лысеющий затылок.

И всё же душу томило смущение... И это происходило всякий раз под писк колёс трамвая. Словно крючком вынимали из мозга нейроны с этими размышлениями. Наверное, было в его поведении всё-таки что-то такое...

Но проходил трамвай, проходили и эти приступы. Тогда он вновь входил во вкус приятных воспоминаний.

И-эх! Его тело вновь отпружинило вверх и мягко опустилось на согнутые в коленях ноги, и Иван Трофимович от двери к столу пошёл вприсядку.

– Хоп-хоп-хоп-па! Америка... Европа... Съели русского мужика?.. Ха, фигу! Покажем мы ещё себя этим парализованным. Хоп-хоп-хоп-па!

У стола подпрыгнув, выбил лихо дробь на мягком утеплённом полу на линолеуме и, приуставший, довольный, остановился, опираясь на крышку стола.

Фу-у... Красота! Не напрасно вино лилось – тоска в водке утопилась!

Не-ет, что ни говори, а вчерашний вечер удался. Удался, ядрёный корень! Спасибо юбиляру!

– Нет-нет, никогда буги-вуги не смогут раскрыть души русской, – хлопнул он себя в грудь. – Никогда! В вальсах, в плясках, в частушках она живёт. В них, ядрёный корень! Забили, забарабанили дуристикой: бум-бум-бум по мозгам, и на тебя же ещё смотрят так, как будто бы ты питекантроп пещерный. Чудак, мол, дядя, нашёл что выкинуть...

Ивана Трофимовича с утра начинали разбирать сомнения в правильности его поведения на банкете. Всё-таки народ чужой, представительный был народ. А он с плясками, частушками... Это, знаете ли, теперь не модно. А коли не в моде, значит, ты какой-то несовременный. С поздним зажиганием. То есть наивный простачок, Ванюша-дурачок. Кто там ещё плясал? Так, один-двое, и те кривлялись. А остальные? Посмеивались, в ладоши хлопали. А он, круженный, как только услышит гармошку, его будто кто подпружинивает, или под пятки горячих углей подсыпает. Не устоит на месте.

Тут Иван Трофимович стал испытывать неловкость на своё поведение. А вдруг он и вправду чудик? И заскрипел зубами, проходил по улице очередной трамвай.

Топотков вновь хотел позвонить жене, узнать её мнение на этот счёт. Да не решился. Вздыхнул с сожалением.

И что он там вытворял? Сидел бы уж, прижал бы... Жена, поди, от стыда из-за него там сгорает. Ведь все с её работы были.

Вдруг Иван Трофимович стукнул себя кулаком по лбу и замер. Ноги у него подломились, и он мешком осел на кресло.

Каррраул!.. Он вспомнил! Он вспомнил, как лез к Кузьме Спиридоновичу целоваться! – М-нн... – замычал он, схватившись за голову. – Тьфу!

Прошло минут пять в молчаливых стенаниях. При этом без трамвайных колёс в голове заскрипело.

Наконец Иван Трофимович поднял голову и, покачивая ею из стороны в сторону, с тяжёлым выдохом изрёк:

– О-пу-пе-ел! – глаза его закатились. – Ещё на кой-то хрен к себе позвал. И не одного, всех!

Иван Трофимович знал за собой маленький грешок: когда подопьёт, так становится рубаха-парень с душой нараспашку – всякий раз что-нибудь да выкинет от простоты душевной. За что Вера Никитична уже не раз его благодарила. То-то ему будет!..

Только сейчас он понял, что его с утра томило. И вот отчего он не мог так долго насмелиться, позвонить жене.

Ну, танцор, допрыгался!

Всё бы он мог себе сейчас простить. Даже лобызания с Кузьмой... Тьфу! – с Кузьмой, прости Господи. Сейчас, поди, обтирается, подхихикивает, старый пень. Но то, что от доброты душевной опять приглашал к себе гостей – это уже чёрт знает, что!

Топотков надолго замолчал, тупо уставившись в шкаф, на полках которого находились СНИПы, чертежи в папках и в рулонах. Но волна негодования на самого себя сходила, и в глазах появились проблески жизни. К тому же он находился в весёлой шкатулке, где долго не погрустишь. В ней играло солнце, разбрызгивая искры и зайчики по полу, по стенам, по шкафам.

– Дурак-с, ваша светлость! Вот где дурак, так дурак! Каких век не видывал. Да хоть бы пьяным был в стельку...

Он действительно не был пьян до беспамятства. Но расходилась душа, разгулялась, и не столько от вина стал пьяным, сколько от охватившего его веселья, радости. Под конец вечера он всех любил: и юбиляра, и баяниста, и гостей – оттого и лез лобызаться.

А у нас как? Уж если ты обнял человека, да, не дай Бог, ещё позвал к себе в гости – так уж всё! Ты дурной человек, тряпка. Ты распахнул душу, а это такое место, куда можно только!.. Он сплюнул.

Эх-хе, вот народ. До чего же мы огрубели, ни любви в нас не осталось, ни радости. Выпотрошенные, деформированные. Даже жена родная не понимает. Тут от души, от чистого сердца. Разве это дурно?

– А может и плохо! – ответил он вслух, словно на подсказку. – Ведь гостей угощать чем-то надо. Это ведь не ранешное время. Сейчас, попробуй на такую зарплату, накорми да напои? И потом – хлопоты. Жене хлопоты. Оттого и дурно.

Топотков поморщился и вышел в коридор. Выпил два стакана газированной воды и, воровато оглянувшись, – не видит ли кто, как он мучается с похмелья, – вновь вернулся в кабинет. Прохладная вода, несколько раз отрыгнувшись газом, родничком прокатилась по пищеводу, охладила разогретые внутренности и бушующие в них старые дрожжи.

Похмелье пошло на пользу. Прочистило мозги.

– Мда... Погулял...

А позвонить надо. Иван Трофимович не помнил, гостей он приглашал при жене или без?..

– Видимо, без неё, – заключил он. – Конечно без неё. Теперь бы уж все провода оборвала.

Ох, дубина...

Топотков всё надеялся, что позвонит жена. Сам же не решался.

Он представил, как всей компанией гости вваливаются к ним в квартиру. Разрумяненные, жизнерадостные...

– Здравсте! А вот и мы...

Ивана Трофимовича передёрнуло в нервном ознобе лицо.

– И где она была? Не могла чем-нибудь трахнуть по макушке! Хоть домой не ходи.

О! Стоп! Вот это мысль. А что, если и в самом деле домой не идти? Созвониться с Верочкой и махнуть куда-нибудь... в кино или так часов до десяти погулять по улицам, в парке. Пусть те у подъезда посидят на холодке. Ха! – посидят-посидят и умоляют.

И хоть мысль была как будто бы удачной, спасительной, однако, нравственная сторона её задела Ивана Трофимовича. В ту же минуту восторг сменился на нерешительность, и палец, набравший номер телефона, медленно отпустил диск на последней цифре.

– Аллёу, – слышит он родной голос с мягкими интонациями, от которого сам потерял голос.

Иван Трофимович, смущённый, прикрыл трубку ладонью, кашлянул.

– Говорите, вас слушают.

– Это я, Верочка. Доброе утро, то есть день.

– А, добрый, добрый. Как ты там? – в голосе прослушивалось сочувствие.

– Да так, ничего... Я как там вчера?.. Перебрал, кажется? – у него повело челюсть на сторону.

– Да нет. Ты очень даже мило вчера выглядел.

– Ты!.. Ты серьёзно?!

– Вполне. Давно таким не был. Душа всей публики. От тебя и сейчас все в восторге. Слышишь, приветы передают!..

Лицо Ивана Трофимовича засветилось от счастья, словно солнечный зайчик осветил его изнутри, глаза заблестели. Он слышал голоса нескольких женщин.

– Ага! Слышу! Всем там, приветики! – подскочил он со стула. – Так что, сегодня опять вечеринка предстоит?

– Где? – уже сдержаннее донеслось до уха.

– Так у нас. Я... я ведь приглашал!

– Успокойся, Топотуша, – глухо сказала Вера Никитична, видимо, прикрыв трубку ладонью. – Они, что, думаешь, люди без понятия? Очень милый и деликатный народ. Ты знаешь, кого приглашать, – и в трубке послышался добродушный хохоток.

Топотков тоже засмеялся, даже с какой-то детской радостью, и притопнул ножкой.

– А то б встретились, а? Такая компания! Такие люди!

– Успокойся, Топотуша. Это уже не смешно, – и в трубке запикали короткие гудки.

Иван Трофимович на окрик жены осёкся, и было присмирел. Но ненадолго. В душе у Ивана Трофимовича вновь всё заходило.

Разговор с женой, её похвала, и одобрение её сослуживцев за вчерашний вечер, подействовало на него столь же благоприятно, как если бы он принял бокал шампанского или, на худой конец, пиво.

Топотков хлопнул в ладоши:

– И-эх!.. Расступись, грязь – в пролётке князь!.. Ядрёный корень... – и пошёл по кабинету под "камаринского"...

Даже будучи в столовой в обеденный перерыв, стоя в очереди у раздатки, глядя на всех весёлым взглядом, ему так и хотелось топнуть ножкой. И сокрушался: до чего же всё-таки мы скучно стали жить! Собираемся раз в год, а то и в два, и то по каким-либо поводам, случайно. Не где грудь развернуть, душе волю дать...

Э-эх! Умрёшь от скуки.

Йога.

1

В праздник Фёдор Спиваков был в гостях у родственников. Там он выпил и от радости, что эта самая, "огнеопасная", течёт по горлу дармовая, на грудь принял сверх всякой меры. Какая-то жадность к водке появилась, как у вконец оголодавшего человека.

На следующее утро, едва поднявшись, покачиваясь, прошёл на кухню и прямо из крана хлебнул холодненькой водички.

– Да-а... – хрипло протянул он и потряс по-лошадиному головой. – Брр... — и чуть было не упал. Заштормило.

Уцепившись за раковину, на какое-то время притих, пока палуба не успокоилась.

– Мда-а, это ж надо... Вот накушался... Брр... – осторожно поёжился. По спине побежали холодные "мурашки".

Зажёг газовую форсунку и пододвинул на неё чайник.

Попив крепкого чая, он почувствовал себя лучше, но не совсем. Желудок и пищевод потряхивало мелкой неприятной дрожью, мозги, словно студень в круглом сосуде, колебались в голове. Но проблески сознания уже появлялись, и на память вдруг пришёл застольный анекдот. Спиваков захохотал.

– Ой, это ж надо такое придумать! Есть же юмористы, – зачесал он волосатую грудь. – А может и вправду такое может быть?.. Ведь ёги всё могут. Вон, какую беду вытворяют над собой. И на стекле пляшут, и на ножах спят, и пополам складываются. Что ему стоит самого себя довести до алкогольного опьянения?..

Спиваков опять хохотнул, было всё-таки занято.

Немного посидев, решил своими мыслями поделиться с женой.

Прошёл к спальней комнате, с порога спросил:

– Нюр, ты помнишь анекдот, который вчера Рашид рассказывал? Ну, как у них там, в Крыму, на ёгу перешли... Ну, когда у них там виноградники повырубали...

Нюра молчала.

– Нюр, ты чево? Обиделась на што, што ли?

Нюра молчала. Фёдор перестал улыбаться, виновато почесал нос, шею, вновь поплёлся на кухню.

– И что она? Вчера вроде бы всё ладно было, кажется...

Очень хотелось опохмелиться. Хотя бы глоток. Но Фёдор понимал даже своими разжиженными мозгами, что дома ничего нет.

– Хоть синюхи какой найти, что ли?

Прошёл в ванную. Вибрирующим взглядом обвёл полки со стиральным порошком, мылом, шампунями и грустно усмехнулся.

– Дожил мужик. Эх, чтоб вас там!.. – это уже относилось к инициаторам антиалкогольной компании.

Открыл холодную воду, перевёл кран с умывальника на ванну и стал хлопаться ею до пояса. Купание подействовало взбадривающе.

После купания Фёдор вернулся на кухню и решил ещё выпить кружечку чая. Налил крепкого.

"Да-а, худо после такой пьянки. И надо же было вчера так надраться на халяву. Так ведь и копыта откинуть можно. Хоть бы самогонкой где разжиться?.."

Свою самогонку Спиваков перестал гнать ещё с осени, когда старика-соседа Вавилова, инвалида войны, на двести рублей оштрафовали. Грешил Авдеич, приторговывал малость. Нужда, говорит, заставляла, не больно-то на теперешней пенсии протянешь. Но закон есть закон, всех под одну гребёнку. Испугался тогда Федя, инвалида вон как вздрючили, а его и подавно обдерут, как липку причесывают. И своё ремесло прикрыл, хоть и для себя делал.

Фёдор открыл дверцу шкафчика. Он знал, что там пусто, но сделал это как-то самопроизвольно, механически, по привычке.

В недрах шкафчика стояла бутылка в виде штофа. Пустая. Та, которую, он вспомнил, они выпили вместе с тестем. Дед приезжал недели полторы назад в гости. Он и привёз. У них там, в деревне, по спискам выдают, раз в месяц. Вот и сберёг гостинец для зятка.

– Хм, смотри-ка, ещё с крышкой, – усмехнулся Фёдор.

Спиваков извлёк бутылку и, глядя сквозь стекло в утробную пустоту, вожаделенно взглотнул слюнки.

– Эх, черти, всё выпили! – ругнул себя и тестя.

В другое время, когда с водкой-вином было проще, он выпивал, не отказывал себе в удовольствии. Но в меру. И не испытывал к спиртному такой жадности, ограничитель срабатывал. Захотелось – пожалуйста! Хоть самогоночки, хоть водочки, хоть вина. А теперь? Как с резьбы горло сорвало. На каждую бульку, да кого – на запах слюнки взглатываешь.

Спиваков отвернул крышку, потянул носом – в бутылке ещё был дух, дурманящий. Э-эх...

Можно было бы купить, коль своей нет, но в магазин сунься, живо кишки выпустят. Как в тот раз...

2

Пошёл Федя в "винный" перед Ноябрьскими праздниками, и пошёл один.

Народу у магазина собралось, как на митинге. Окружили вход плотной толпой, и молчание. И ни скандалов, ни призывов, ни лозунгов – тишина, как перед атакой, томительная, нервная. Ждут открытия магазина после обеда. Выдумала же чья-то светлая голова начинать торговлю спиртным в два часа пополудни. Видимо, с той целью, если кому-то удастся к вечеру отовариться, так чтобы тот счастливчик потом всю ночь пил и до утра семью веселил. Трогательная забота.

Стоит народ, от холода с ноги на ногу качается. А холод в тот день – просто январский был, минус пятнадцать да с ветерком. Магазин высокий, двухэтажный, второй этаж колонны гранитные подпирают. Крыльцо каменное, из пяти, не то семи ступенек.

Перед открытием люди стали по ступенькам подниматься, к дверям тесниться. По счастливому случаю Фёдору удалось попасть в очередь где-то в середину, к фойе ближе, и у самой колонны. Придавили к ней так, что кажется, из грудной клетки кулачок сделался – ни вдохнуть, ни выдохнуть. Но теплее стало. Однако стоит, радуется: не в конце же очереди. Посинел, как куриный пупок после холодильной камеры, и остальные очередники не лучше. Но живые,

от холода друг к другу жмутся, руки у ртов последним дыханием согревают. Ну, как тут не дожидаться горячительного? Это просто вопрос жизни.

Перед самым открытием началось движение в народе ощущаться. Матюжки послышались. Ватажная братия к дверям полезла. И всех, кто без подкрепления пришёл, одиночек-камикадзе, стали в стороны теснить, а кого и с крыльца вниз. Фёдор тоже начал было недовольство проявлять. И тут же чуть не схлопотал. Куда один – против десятка штурмовиков.

Одни пролезли, ладно, чёрт с ними, с архаровцами. Так за ними новая братия, по проторённой дорожке. И у двери разодрались. Между собой очередь не поделили. Матерят и тех, кто матерится, и тех, кто незримо этак с алкоголизмом борется.

Тут и милиция, кстати. На "УАЗике" подкатили. По репродуктору командуют:
– Разойдись! Освободи дорогу!

Вначале покупатели не поняли: зачем проход освобождать? зачем расходиться?.. Надо пройти, так иди. Ан нет: освободи и всё тут! А кому охота? Каждый на своём законном месте. Он его полдня до открытия магазина отстаивал, а кто и отвоёвывал.

Милиционеры видят, что люди ни с места – всей машиной в магазин поехали. Двое из них передок приподняли, и она по ступенькам вверх запрыгала. Тут только толпа поняла, что к чему, в стороны подалась.

Фёдор как стоял у колонны, так и остался. Жалко было с нагретого места сходить. И буквально через минуту ещё больше пожалел, но о другом уже. Машина запрыгнула на ступеньки и пошла по проходу, толпу уминать. В первый момент Спивакову показалось, что из него кишки выпустили, что-то как будто в животе затрещало, и в глазах засверкало. Но когда машина в фойе въехала, почувствовал, что живой и даже обрадовался. Правда, почувствовал и ещё одну неприятность – сзади чего-то холодить начало. Неужто, икру выдавили! Рукой под курткой – мац-мац! – а задница голая! Штаны от мотни по самый пояс лопнули. Или, наоборот.

Тьфу! Да провались ты! И это был его последний поход в винный магазин.

А зря, теперь хоть пропадай...

– Эх, не пил ведь сколько... Так нет, добрался вчера, как голодный до похлёбки!

3

Спиваков подошёл к крану, открыл холодную воду и немного налил в бутылку. Покрутил ею, словно бы смывая со стенок остатки содержимого, и вылил себе в рот. Не торопясь, смакующе проглотил. Постоял в ожидании чего-то, затем удовлетворённо крякнул.

– Кхе... А что? А ничего...

Глаза его повеселели и приняли игривый блеск. Он ещё раз плеснул в бутылку воды, поболтал ею, и вновь выпил.

– Кхе-кхе. А ну-ка, ну-ка... – Игривость овладела им ещё более.

Федя наполнил бутылку до условной отметки, по которую обычно наполнял бутылки самогонкой, и аккуратно навернул крышку.

Прошёл с бутылкой в большую комнату.

В комнате было сумрачно и не соответствовало охватившему настроению.

Он снял со стола настольную лампу и опустил её на ковровую дорожку. Включил. Рядом с ней поставил бутылку. От света содержимое в бутылке "заиграло", приняло соответствующий цвет и, как показалось, даже запах и вкус, который вчера, после долгого воздержания, был так соблазнителен.

Смакуя и любясь неожиданным эффектом, он наклонился над бутылкой и повернул этикеткой к себе. Само то!.. Взглотнул подступивший приток слюны.

Отступив шага на полтора, Спиваков сел на пол на ковровую дорожку и подогнул под себя ноги. Сидел, вперив играющий взгляд в бутылку...

Просидел в позе йоги минут пять, но нужного эффекта не наступало. Чего-то ещё как будто бы не хватало.

Федя поднялся и, побрякивая, в том же игривом настроении поспешил на кухню. Вернулся с двумя блюдечками: в одном лежала горка квашеной капусты, в другом – кусочек хлеба. Расставив закуску по обе стороны бутылки, вновь занял исходное положение.

Прошло ещё какое-то время. Кадык по Фединому горлу забегал оживлённее, теперь Федя успевал, видимо, пить и закусывать. На лбу выступила испарина. Его слегка даже стало покачивать. Похоже, йога начала действовать.

И точно – сработала!

Вдруг Спиваков закатил глаза и повалился на бок. Упал, громко стукнувшись головой о нижнюю дверку шкафа комнатного гарнитура. Заелозил ногами в хриплом кашле, с потугами стога.

На стук и шум из спальни выбежала Нюра, маленькая, растрёпанная со сна женщина.

– Федька! Что с тобой?..

Настольная лампа, капуста, бутылка, хлеб и корчившийся на полу муж произвели на неё странное впечатление. Она поставила кулаки на бёдра.

– Ага! И тут перебрал! Ёгой подавился! – и, подскочив к Фёдору, стала колотить его по "загровку". – Паразиты! Алкоголики, ёгоголики... Чтоб вам!.. Никакой меры не знаете...

Спиваков стал оживать.

– Хватит, – простонал он, слабо отмахиваясь. – Добралась...

Нюра перестала кулаками делать утреннюю массаж на горбу мужа, подхватила с пола тарелки со снедью, бутылку и убежала на кухню. Вскоре послышалось бульканье воды из бутылки в раковину.

Федя, привалясь спиной к шкафу, приходил в себя. По его щекам текла слеза.

С этого и началась Перестройка. С Закона по борьбе с алкоголизмом и самогоноварением.

1987г.

Боку-куку.

1

Весть о несчастье с Шиволовским облетела, если не всё производственное объединение и подшефный посёлок, то до Родиона Александровича, в народе – Родион Саныч, дошла едва ли не сразу, ну максимум через час. Разумеется, витала она по народу в разных вариантах, но, чтобы узнать истинное её состояние – бог и царь, чёрт и леший, акула и крокодил (то есть Генеральный директор в одном лице) – вызвал Шиволовского к себе. Любопытство разбирало его не меньше, чем, наверное, его секретаршу.

Валерий Павлович шёл в кабинет генерального директора, как на аркане, ноги не шли, его вела душа. Стыдно и больно было предстать перед секретаршей, в таком виде: в наклейках, в йоде, в зелёнке. Но деваться некуда, и он переступил порог управления комбината. Кто-то, оглядываясь на него, подхихикивал, кто-то сочувствие выражал, а кому – было наплевать на его вид и состояние. И им, последним, он был более благодарен.

Секретарша, со свойственной ей прямоотой, встретила Шиволовского вопросом:

– И сколько же тебя кошек драли?

И он, со свойственной ему изворотливостью, ответил:

– Не успел сосчитать.

Примерно так же спросил и Генеральный, но добавил, глядя на подчинённого с иронией:

– Только не врать мне. Рассказывай всё, и по порядку. Как не горька правда, она мне приятней. На брехню у меня время нет. Если не соврёшь – помогу, чем смогу. Ты меня знаешь.

– Знаю, Родион Саныч.

– Ну, так давай, Валерка.

По душам... Чего-чего, а по душам Татарков поговорить любит. И посочувствовать может, да только ухо надо держать востро. Тут смотря, какой подберёшь к разговору ключик. Одно Шуваловский знал, Родион Саныч любит разговор с фривольной начинкой, и чем она занимательнее, тем аппетитнее. А тут, что придумывать специально? – всё, как по заказу. И винные пары, и интим, и праздничный угар, и мордобой с погромом.

Обычно директор, через минуту-другую в общении с посетителем, делал своё заключение, и тот, – хочет он того или нет, – выдворялся из кабинета. Прямо и беспардонно. А тут, в предвкушении чего-то занимательного, даже предложил:

– Давай, Валерка, проходи, садись сюда, – и показал на приставной столик перед своим столом.

И Шуваловский внутренне расслабился: кажется, ему не быть осмеянным, изжёванным – акула и гиена, черт и леший – отдыхают. Дай Бог, чтобы пронесло. А лучше – принесло что-нибудь полезное от этой встречи.

2

Шуваловский Валерий Павлович, заместитель начальника цеха механического завода, входивший в структуру комбината, ещё не потухший пятидесятилетний мужчина, решил развеесться. Так сказать, тряхнуть стариной, сходить на randevу и прочие...

В канун 1-го Мая, то есть во второй половине дня тридцатого апреля, Валерий Павлович со своими сослуживцами слегка выпили. (Выпивши, его заусило, – как без ошибки, уже в разговоре, догадался хозяин кабинета.) Все коллеги по домам, к семьям, а Валерий Павлович сел на новенькие "Жигули" шестой модели и покатил по значным местам, а значных мест в посёлке городского типа... одно, у общежития на Советской.

За свой полувековой возраст Валерий Павлович имел кое-какой опыт в амурных делах. И женщин видел насквозь: по взглядам, по жеманным улыбкам. И по ряду специфическим приметам, что познаются на практике.

Чем старше становится мужчина, тем обострённее у него тяга к прекрасному, к юному, к нежному. Что же касается Валерия Павловича, то у него эта склонность приобрела далеко не платоническое и созерцательное выражение. Он умел ценить эту красоту только в натуре и при интимных обстоятельствах, и потому голенастые бестии, обтянутые в джинсы или коротенькие юбочки, притягивали его, как магнит. Что называется: седина в голову, а бес в ребро.

Предпраздничный вояж на "Жигулях" увенчался успехом. У кафе напротив общежития, Валерию Павловичу улыбнулась золотой фиксой Венера. Голову её украшала серая кудель и была она в синих джинсах, что в целом пленяло воображение Ловеласа.

У себя в гараже Валерий Павлович имел привычку приберегать бутылку водки или вина, что, несомненно, делает честь любому мужчине.

"Монтана" лежали на спинке заднего сидения, а белотелая Венера со вкусом и удовольствием потягивала русскую горькую и сигареты "Мальборо", возлежав на откинутой спинке переднего пассажирского сидения.

Валерий Павлович, откушавши вместе с мадам Венерой, а, может быть, с Евой прибережённую на данный случай бутылку водки, захмелел. То есть немножко всхрапнул.

Мадам Ева, проверив карманы кавалера, пришла в негодование. Карманы были пусты! Негодуя и злясь, она делает белой ручкой массаж на щеке уснувшего Адама.

Шуваловский проснулись.

Валерий Павлович пробудился, и не понял, отчего горит лицо. Губы Евы или Веры, припав к его ушку, певучи шептали:

– Милый, не спи. Мы же не для этого сюда приехали.

Действительно, чего он тут развалился? – спать надо дома с женой. И Валерий Павлович слегка протрезвел. Хотел было пригубить прямо из горлышка, но бутылка оказалась пустой.

Мадам Вера, а, может быть, Холера, продолжала выражать законный протест.

– Милый Валерик, я так рада нашей встречи. Я счастлива. Мне никогда так не было хорошо. Но слишком ты скуп, – выговаривала она. – Выпить нет. Закусит нечем. Да и денег у тебя, наверное, тоже нет. А того, что ты мне дал... – она наморщила носик. – Мне хочется ещё чего-нибудь, чего-то такого этакого...

Валерия Павловича пронзило чувство вины перед прелестным созданием. И он, как истинный кавалер, принёс даме извинения.

– Ты прости, дружок, – сказал он. – Получилось, действительно, как-то не красиво.

И вдруг его осенило.

– Ты, – говорит, – побудь немного одна тут, а я схожу домой. Возьму денег и по пути зайду в магазин, – и пощекотал щекотное местечко юной обольстительнице: – Утю-тю-тю!

Холере ход его мыслей понравился, и она, смеясь, с лёгкой душой заторопила кавалера.

– Ах, Валерик, как мне неохота тебя отпускать. Ты такой... Но ты не долго, – говорит, – скоро вечер. У меня ещё кое-какие дела намечены...

– Я мигом, крошка. Я одним махом.

Одевшись, причесавшись и поцеловавшись, Валерий Павлович поспешил из гаража.

– Я тебя закрою, дорогуша, на замок, и ты сиди тут тихо. И никому не отвечай, я сам тебя открою. Утю-тю-тю...

Мадам Холера, может быть, Параша, послала ему воздушный поцелуй и помахала ручкой из машины. Улю-лю-лю...

Закрыв гараж на замок, Валерий Павлович взял курс к дому. Был он тяжёл, помят, но ещё в рассудке.

Кто празднику рад, тот накануне пьёт. А таких как Валерий Павлович, в посёлке, да и по всей России – считать и не пересчитать. И он, выйдя из гаражей и входя в жилой массив, услышал из окон домов весёлые песнопения, звуки гармошек, гитар и магнитофонов. В основном в записях и на подпевках.

А тут ещё сзади, обнявшись, выплыли из гаражей три друга, и хором залихватски заорали:

*Пора-пора-порадуемся на своём веку
Красавице и юбке, и даже каблучку,
Пока-пока-покачивая перьями на шляпах,
Судьбе не раз шепнём: "Мерси боку".
"Мерси боку"... "Мерси боку!"
Ха-ха! Ха-ха-ха...*

И в три глотки заржали. Ха, мушкетёры...

И эта праздничная атмосфера ещё более настраивала Шуваловского на мажорный лад. К дому он подходил с этой же песней, которую мурлыкал себе под нос: "Мерси боку... Боку, куку..."

Дома Валерия Павловича ожидал приятная неожиданность.

Как только хозяин вошёл в квартиру, его обступила многочисленная толпа. Родня приехала на праздник, кто-откуда. И Валерий Павлович, естественно, тоже им обрадовался.

Ну, как тут уйти, не чокнувшись с гостями?

Выпили раз – за радостную встречу. Выпили два – за здоровье хозяев. Выпили три, четыре, пять...

Утром Шуваловский едва проснулся. Поднять подняли, да, похоже, не разбудили. Но опохмелили. Новый квас да на старую закваску, – и второй день прошёл в том же хмельном тумане и угаре. Он снова был насыщен тостами и здравицами. То есть всем тем, на что приножат винные пары. Фантазия здесь заурядна до непредсказуемости.

Но как бы праздники не были хороши и продолжительны, за ними наступают будни.

Утром третьего дня Валерий Павлович хоть и хворал с похмелья, однако, решил на работу ехать на машине. Жене хотелось угодить, что называется, прогнуться, – что-то она последнее время шипеть много стала. А может он, ненароком, дал повод? Словом, чувствовал за собой какой-то неясный грешок. И потому захотел прокатить жинку на новенькой машине, – и двух месяцев нет, как купил по заводской очереди.

В начале восьмого по утра Шуваловский был у гаража, ключом ковырял замок и негромко мурлыкал:

– Судьбе не раз шепнём: "Мерси боку"... Боку, куку...

Валерий Павлович дёрнул на себя дверцу в воротах и...

В первый момент он не понял, что происходит. Да и с похмелья... с душой почти без грешной и чистой, омытой и проспиритованной, ещё витающей где-то в розовых облаках праздничного застолья, откуда вряд ли прыгнешь в одночасье на грешную землю, и что-то враз уразумеешь...

Лишь только Валерий Павлович потянул на себя створку в воротах, как вдруг из гаража вылетает кукушка, да лохматая и рычащая... и впивается когтями ему в лицо.

Естественно, Валерий Павлович сразу не смог переключиться, перейти из расслабленного состояния в атакующее, и потому не мог достойно отреагировать на нападение. От неожиданности он даже оторопел, и этим беззастенчиво воспользовалось страшное чудовище. Оно било по лицу, драло его когтями, и страшно материлось.

Но этот же моцион подействовал на Шуваловский и отрезвляюще. Вначале он попытался было поймать разъярённую мадам Куку, объяснить с ней, но всякий раз отскакивал от неё, как ужаленный.

Наконец, он вынужден был прижаться к воротам и принять круговую оборону, как боксёр на ринге. Но противник, видимо, насладившись поединком, и выплеснув всю свою нерасстраченную энергию, накопившуюся за двое суток в узилище гаража, отстал от несчастного и бросился прочь.

Как только наступила тишина, и в ней послышались удаляющиеся шаги, Валерий Павлович отнял руки от лица – увидел, как от гаража быстро удалялись "Монтана", перекатываясь по округлым полушариям.

С Валерия Павловича напряжение спало. Он почувствовал, что побит, но как будто жив.

Однако любые побои оставляют раны, если не в душе, то на теле. И не успело чувство достоинства разлиться по ожившему организму и сознанию, расправить грудь и гордые плечи, как к лицу Валерия Павловича прилила страшная боль. Словно со щёк и носа содрали кожу не на один, а на десяток ремней для талий нежных созданий. И Валерий Павлович завывал:

– Ой-ей-ёй!!.. – лицо загорело нестерпимым пламенем.

Шуваловский выдернул из кармана платок и приложил его к лицу. Материал тут же принял окраску флага, под которым в пору было выступать в защиту прав потребителя.

– У-у-у! Чтоб у тебя... на глазу ячмень вскочил! Чтоб ты облысела! Чтоб... – тут вариант красноречия можно себе представить, ибо Шуваловский не ограничивал себя в речитативе.

Через какое-то время Валерий Павлович поспешил в гараж. Ему страстно захотелось увидеть себя в зеркало. Оценить горячие припарки?

Шуваловский, войдя в гараж, почувствовал, как пол проваливается сквозь землю, и он за ним следом. Даже на какое-то время, показалось, – ушёл в тартарары.

Перед ним стояли "Жигули", но не те, которые при определённых обстоятельствах превращаются в ресторан, спальню и секс-салун. Не те, которые он с таким трудом добивался, ждал по очереди на предприятии и уже заочно любил, как вторую жену. "Жигули", которые гладил во сне по желобку, а потом – наяву. Любовался и не мог насмотреться. Без которых уже жизни не представлял... И которые верой и правдой начали служить своему хозяину. И

теперь, глянув на машину, на свою красавицу, Валерий Павлович, стоя на коленях и качаясь из стороны в сторону в рыданиях.

Перед ним стояла машина, напоминающая огромную консервную банку, которую распечатывали, за неимением штопора, топором. Что рубилось – было порублено, что разбивалось – превратилось вдребезги, как снаружи, так и внутри. И вообще, груды утиля и металлома. Перед чем невольно хочется снять шляпу и вместе с головой. Орудие вандализма безмятежно валялось тут же, на полу.

Когда шок прошёл от второго представления, Шуваловский почувствовал, как нещадно жжёт лицо, по нему катились солёные слезы, возможно, с горючей смесью. Отчего Валерий Павлович вновь забыл речитативом:

– У-у-у!.. Да разве же так можно?.. Вот и оставь человека погостить... Не могла двух суток тут перекантоваться... Да я б тебе весь простой компенсировал, и праздничные оплатил... Да я б тебя... Да чтоб у тебя ноги колесом свело, кошка дра-ана-а-яя!.. У-у-у!!

Стенает Шуваловский голенастую бестию, сулит ей все земные и загробные страсти и сам от отчаяния немеет. Сам пострадал – трагедия. Этот стыд и срам как-нибудь пережил бы. А вот как быть с машиной? Ведь столько лет на неё стоял в очереди. Старался, работал в будни, в выходные и в праздники. Не раз на поклоне был перед Генеральным. И всякий раз слышал в ответ:

– Работай, Валерка, работай. Твоё время ещё не подошло. Ещё не заработал.

И его голос он как будто вновь слышит сейчас. Только слова другие.

– Вот и дай придурку стеклянную игрушку. Хо-хо!.. Раздолбай ты, Шуваловский, раздолбай.

Валерия Павловича даже объяснения с женой так не пугали, уж с ней он как-нибудь, придумает что-нибудь. А вот Генеральный... – это ж царь и бог! Это ж чёрт и леший! Это ж акула и электрический скат! – и всё в одном флаконе!

Шуваловский бросило в жар, как от огромного горячего горчичника, и он полез в подвал гаража в прохладу и за барсучьим жиром. Раны надо было замазывать, саднило лицо нещадно.

Подвал Валерий Павлович оборудовал удобно. По его периметру на стеллажах, на металлических угольниках, укрепил деревянные полки. И на них составлял соленья и варенья в стеклянных банках и баночках, разного размера. Многие из них были с наклейками, и каждая полка под определённый вид консервантов.

Сейчас он спускался в подвал с особой поспешностью, на которую понуждала саднящая боль на физиономии, которую и лицом теперь нельзя было назвать. Казалось, там, в подвале, была вся амбулатория, которая спасёт его от физических и психических страданий. Перед тем, как спускаться в подвал, он включил свет в него, и теперь с азартом стукнул ладонью в дверь. Дверь распахнулась. Но лучше бы она на тот момент была забаррикадирована изнутри.

Шуваловский, переступив порог, стал вновь опускаться на колени. В его сознании померк электрический свет.

– Убила-а... – только и могли вымолвить его уста.

Всё, что стояло когда-то на стеллажах: соленья и варенья, и пустые банки, – теперь валялось на полу в песке в разобранном виде, в виде мелких осколков и дребезг, вперемежку с содержимым банок и баночек. И, естественно, барсучий жир в малиновом варенье...

3

– Но машина-то причём?! – воскликнул Генеральный, когда Валерий Павлович почти закончил свой рассказ. – Нет, ты её найди, Валерка. Найди. Надери ей это самое. Банки, посуду бей, а машину не трожь. Это ж ма-ши-на! Вот, мерзавка! Но ты её хоть, это самое... Кхе-кхе...

– Да было... Правда, выпившим был, уснул быстро.

– Вот это плохо. На охоту ходить, собак кормить.

– Да, теперь-то ясно, а тогда – перебрал немного...

– Ну, ничего, ещё молодой, справишься.

– Постараюсь. Только, кажется, она, эта стерва, не наша, не местная. Не видел я её здесь раньше. Да и не на чём искать её. Нет машины.

Директор задумчиво попыхтел упругими губами, потом, игриво посмотрев на Шуваловский, сказал:

– Ладно, Валерка, не хнычь. Найдём тебе машину. Подумаем. Может, что-нибудь из директорского фонда выкроем. Деньги найдёшь?

– Родион Саныч! – воскликнул Валерка, едва не подскочив со стула. – Да я в лепёшку расшибусь! Да я... – и почувствовал, как уголки глаз зашипало, того гляди, слеза выкатится.

– Ну, на счёт лепёшки, не горячись. Ты мне даже такой, поцарапанный, нужен. Ты мне ещё послужишь.

– Послужу...

– Ну, вот и договорились. А теперь иди. И не будь впредь таким раздолбаем.

– Родион Саныч... Да я в жизнь теперь такого не допущу! Чтоб я ещё раз с такой связался...

– Иди, иди. Знаю я вас, – и директор отмахнулся от посетителя.

Вот тут бы Шуваловскому и закончить аудиенцию. Но Валерий Павлович впал в благодарственную эйфорию, и потерял контроль над ситуацией.

– Родион Саныч... Отец родной... Да я... – при этом его полосатая физиономия лоснилась, и чем-то напоминала морду не то шакала, не то гиены.

– Нет, Валерка, пойдёшь отсюда, или тебя ещё раз поцарапать? Сейчас организую!

Валерка выскочил от директора, как контуженный.

Опомнился уже на улице. Тут только Валерий Павлович начал собираться с мыслями, вспоминая беседу с Генеральным. Что-то в их разговоре, кажется, промелькнуло объединяющее, и он даже почувствовал, как будто бы сочувствие в его голосе. И это зарождало слабую надежду на то, что тот выполнит своё обещание, найдёт ему машину. Ну, хотя бы из дурости! – которой директор так гордится.

И-и-ээ-эххх! – боку-куку...

Дубровские.

I

Прошло уже больше года, точнее один год три месяца и тринадцать дней. Кому как, а мне эти месяцы до сегодняшнего дня как наваждение или боль душевнобольного. Иногда я порывался обратиться к психиатру, или невропатологу, – кто там занимается настройкой нервов, души? Но останавливался. Тормозил на выходе из квартиры, из подъезда. А однажды, – в дверях поликлиники.

Я раньше не курил. Даже призирал курящих, особенно женщин. Я и Галку отучил от этой дряни. Начала баловаться; мол, все курят, жизнь тяжёлая, модно. Мол, мужчинам можно, а нам нельзя?.. Какая тут мода. Ну, какая в том польза? Какой смысл? Здоровья для?.. Так вряд ли. И что за самоубийцами гнаться? Хотят укоротить свой век – пусть курят.

У меня отчим, фронтовик, умер в пятьдесят от рака лёгких. Чадил всё, что под руку попадёт. Правда, последние лет пять придерживался только сигарет и семечками заедал. Всё оправдывался, мол, с помощью семечек легче бросить курить. Так и не бросил. Отравил себя и отправил свои останки на съедение червям. Поди, они там, от его прокопчённого тлена, тоже поотравились. Но ему простительно, на фронте такого пережил, что другой и без курева мог бы давно крякнуть.

Мама моя не курит, и никогда не курила. И, слава Богу, живёт и на здоровье не жалуется. А поглядеть на тётю Клавдию, соседку нашу, подругу мамину... Лицо выцветшее, пошло преждевременными мелкими морщинами, хотя и зашпаклёвывает на день. Кашляет, а из пасти, то

есть изо рта воняет, как из переполненной пепельницы. На моём дне рождении как-то полезла целоваться... Думал, угорю от такого аромата.

Так, к чему это я?.. А, да, что не курил я раньше. Да и выпивал тоже изредка. Теперь и курю, и выпиваю, тоску глушу видно. А тоска эта заела меня с того самого дня, как похоронили мы Галку...

За эти год и три месяца, и тринадцать дней я кое-что узнал о её гибели. По крупичкам, то там, то там собирал... Вначале всё выпытал у напарницы её, Вальки. Потом у хозяина ларька, где они работали на него. Позже через Димку, моего школьного товарища. Мы с ним почти в одно время с армии пришли. Он в милицию устроился работать, месяца два проучился где-то, потом на участок по месту жительства перевели. Так вот он кое-что тоже насобирает по этому делу. Ну и на тусовках выспрашивал – кто чего видел, или слышал? В общем, картинка складывалась, оставалось кое-какие мелочи ещё подсобрать, – и я этого фраерка найду. И без милиции. Следствие это дело уже в "глухари" перевело, – или как там у них нераскрытые дела называется? Так я сам его доведу до логического завершения. Объект уже прорисовывается. В деталях ещё кое-что уточню, и пойдёт этот жлобьяра по той же траурной дорожке, вернее, поедет, что и Галка. И я тоже всё сделаю также как он, по-тихому, и комар носа не подточит. Да и кому он будет нужен? Сейчас ментам не до него, в своих делах не разберутся. Мне нужно ещё день-два, от силы – неделю, чтобы убедиться, что это именно тот, кого следует мочить, а допрос я ему обязательно устрою, и ему жить останется с куний волосок.

Я отхлебнул два гладка водки из стакана, закусил сигаретным дымом и отвалился на спинку стула, к стене спиной, в углу кухни. Мать была на работе, во вторую смену. Заснул.

2

...В окошечко постучали.

Я оттолкнулась от прилавочка, на котором спала. Во сне видела какой-то сумбур, какие-то колеса, большие и маленькие, они наезжали на меня, и я бегала, лавировала между ними. Некоторые отталкивала от себя, и чувствовала от прикосновения к ним жжение на руках. И это жжение, как токи, пронизывало их до самых плеч, до мозжечка. Казалось, ещё немного и не хватит сил справиться с этими тяжёлыми кругами, и они стопчут, закатают меня. В руках уже не оставалось сил. Охватывал ужас...

Кто-то постучал. Я в недоумении и в растерянности уставилась воспалённым взглядом на окно киоска. За окном кто-то маячил. Свет в киоске и этот силуэт привели меня в сознание. Я поняла, что это был лишь кошмарный сон, вздохнула с облегчением и содроганием. Сутки через сутки работать – никаких сил не хватает прийти в себя, отдохнуть, отоспаться, да и на личную жизнь тоже. Всякие кошмары будут грезиться...

– Эй, Машка, открывай! Я Дубровский! – крикнул человек за окном.

"Что, невтерпёж? Трубы горят?"

Я хотела открыть окошечко и не смогла. Руки отлежала, и колючие мурашки точили их. Потрясла кистями, поразминала, с трудом сжимая и разжимая кулаки. Руки наполнились горячей кровью, болью и щекоткой одновременно.

Едва не плача, приподняла левую руку и открыла окошечко. Мимоходом бросила взгляд на часы на руке – половина четвёртого утра.

"Успела почти час покемарить", – пронеслось в голове.

– Слушаю вас, молодой человек, – сказала я, подхохатывая внутренне и улыбаясь болезненно.

Человек наклонился к окошечку. Он оказался действительно молодым, лет может быть двадцати трёх, двадцати пяти. У него была "заячья" губа и жёлтое пятно от холестерина под глазом. И был он выпившим, от него напахнуло перегаром.

Я его раньше видела. Он мне казался каким-то debелым, стеснительным вроде.

– Спишь, Машка?

– Не спим, а дремлем, – хохотнула я, но не от его хамской шутки.

– Ха! А намордник надеть забыла? Ишь, всю моську помяла.

– Ну, ты, Махновский! Повежливее нельзя?

– Че-во?! Погавкай мне! Я тебя живо из этого курятника вытряхну, – с чего-то вдруг взвился парень.

Я захлопнула окошечко.

– Но ты, Машка! – заорал парень. – Ну, открой! Я кому говорю!

Я растерялась. Ночь, тишина, и одна... Киоск стоит на перекрёстке: днём – многолюдный, ночью – пустынный.

Внутренний холодок и страх оттого, что я пережила только что во сне, вновь охватили меня.

– Я тебе что, сказал?!

Я, превозмогая охватившую оторопь, приоткрыла окошечко.

– Молодой человек, чего ты шумишь?.. Говори, что тебе надо и отваливай.

Парень наклонился к окошечку и, криво ухмыляясь, сказал:

– А мне ничего не надо. Ха, мне тебя хоца, – по роже его пьяной, с недельной небритостью, растекалась похотливая ухмылка. – Ты мне глянешься, давно заприметил.

– Слушай, я ведь и милицию могу позвать.

– Чево?.. Ха! Напужала. Ты её сначала найди. Давай по-хорошему, выходи или впусти меня. Трахнемся, и я отвалою. Подпёрло, во!

– Ты, ты – хам! Пошёл вон! – я захлопнула форточку.

Парень забарабанил в решётку окна. Киоск завибрировал.

– Я тебе что сказал? Открывай!.. Ну, сучка, я до тебя всё равно доберусь!..

Послышалось дёрганье двери, оглушительный стук ногой в неё, брань.

Но двери железные, как и решётки на окнах, были прилажены крепко.

– Я сейчас переверну твой скворечник! Открывай!

– Парень, не надорвись! – крикнула я со страхом и издёвкой.

– Счас... Счас ты у меня закрутишься, как вошь на... Счас! – последнее он кричал от натуги, похоже, упираясь в стену киоска или приподнимая его снизу.

Я встала на ту сторону, откуда доносился голос, своим весом увеличивая тяжесть будки. Скорее, от испуга.

– Открой, Машка! – это уже послышалось со стороны окна.

– Парень, прошу тебя, успокойся! – взмолилась я, чувствуя, что он распалился не на шутку. – Говори, чего тебе надо? Курево? Какое?.. Выпить? Чего?..

– Открывай окно! Скажу!..

Я открыла, но наклониться не успела. В окошечко вошёл ствол пистолета.

Я со страха упала на колени и заползла под подоконничек, спряталась за маленькие ящички от жевательной резинки и заморского печения.

Не видя меня, ствол походил из стороны в сторону, и выпустил заряд со слабым пшиком. Звук этот я уловила возбуждённым сознанием и как будто бы даже обрадовалась – газовый пистолет! Но мысленно добавила, как бы, не расхолаживая себя: тоже приятного чуть!..

Плотно сжала веки, уткнулась носом, ртом в подол юбки, чтобы не надыхаться газа. И тут же послышался звон стекла. Парень бил в киоске окна.

– О Боже! – взмолилась я и заверещала. – Караул! Помогите! Милиция!..

– Ха! Кричи, кричи, мочалка!.. Не быть мне Дубровским, если я до тебя не берусь, не отоварю. Ну, вылась! Где ты там, сучка?

И снова посыпались стекла.

Я метнулась к глухой стене и спряталась за коробки папирос и печения.

Парень бил стекла стволом пистолета и рычал, изрыгая похабщину.

А я, едва живая от страха, тихонько скулила, глядя, как этот нахал расталкивает рукой, стоящие на витрине банки с кофе, с напитками – стекло падало и тут же билось об пол, – бутылки с пивом, с вином. Вниз летели брикеты со жвачкой, конфеты, печенье... Кое-что он, конечно же, притянул и к себе. В том числе бутылку «Рислинга».

– Выходи, Манька! Я тебе что сказал?

Не видя меня, но, видимо, догадываясь, где я нахожусь, парень один за другим послал в угол несколько зарядов. Решил, видимо, вытравить меня из будки, и не скупился на газ.

Похоже, хмель и ярость затмили ему рассудок, и потому он не мог осознать главного – выкурить кого-либо можно или умертвить его, лишь только в герметически закрытом помещении. Он же в киоске наделал слишком много отверстий для вентиляции. Но бесноватому было не до смысла, не до осознания своих поступков. Тем более – их можно творить безнаказанно. Нет у нас, у продавщиц таких киосков связи с милицией, нет телефона, а на мобильник я ещё не заработала.

Но своего он всё же добился – выключил, похоже, меня из сознания. Возможно, так действовали чрезмерное психическое напряжение, страх и всё же какая-то доля газового эфира. А также и то, что все мы, продавщицы этих ларьков, киосков, работаем на износ. Кто за хозяином следит, как он использует наёмную рабсилу? А поскольку нам, девушкам, податься работать больше некуда, то мы соглашаемся и на такие кабальные условия, выматывая себя, не досыпая и уставая.

Сколько времени парень ещё бесновался вокруг киоска, я не знаю.

Во сне или в бреду я всё же попала под колёса, большие, широкие, и они раскатывали меня по асфальту, как блин по столу. Я чувствовала их тяжесть на себе, задыхалась под ними...

Очнулась уже на рассвете, от энергичного потрясывания за плечо. Открыла глаза.

Передо мной стоял Олег, хозяин киоска. И он, после пережитых мною кошмаров во сне и среди ночи, показался таким родным, таким дорогим, и сердечным, как отец родной. Я подскочила с пола и в слезах бросилась к нему.

Плача, смеясь, рыдая и радуясь, повисла у него на шее. Он, хоть и был шокирован вакханалией в созданном им Клондайке, однако, отогнал на время мрачные переживания и воспринял моё поведение по-своему, не адекватной отцовской нежности. И преуспел.

От страха, к радости, волна мощнее и упоительнее... Он воспользовался моим состоянием, вопреки моему желанию. Он знал, что я его никогда не любила и никогда бы его не допустила до себя. Но тут у меня не было сил сопротивляться, и была я ошеломлена всем происходящим. По сути, он просто изнасиловал меня, безвольную и обессиленную.

Потом Олег достал свой мобильник и вызвал милицию.

При двух сотрудников осмотрели киоск, подсчитали нанесённый ущерб. Составили протокол. Милиционеры взяли с меня показания и, узнав, из-за чего так разбуянился ночной покупатель, чего добивался, пошутили.

– Ну и ты что?.. Ха! Гляди-ка, измылилась бы... Сейчас бы он тут спал трупом, бери его тёпленьким, голыми руками.

Олег кисло усмехался на их шутку, ему уже было не до меня. Его томили потери.

А меня жёг стыд, и я ещё более почувствовала себя беспомощной и униженной от слов сотрудников.

Потом мы с Олегом собирали с пола всё, что ещё годилось к продаже.

Потом я веником сметала в пустую коробку то, что было разбито и рассыпано.

Убытки были небольшими – для него, а для меня, – на две тысячи семьсот двадцать рублей (деноминированных).

На что Олег в раздумьях проговорил, покусывая наконечник шариковой ручки:

– Думаю, месяцев за пять ты покроешь эти расходы.

– Как? – задыхнулась я. – Как это покроешь? Разве я здесь всё разворотила? Я сама... сама едва тут не скончалась!

– Ну, жива же! – засмеялся он. – И очень даже тёпленькая, не в пример покойницам.

У меня заслезились глаза. Я смотрела на него, не веря его словам. Смотрела и сквозь выступившие слёзы не видела его лица, оно расплылось в бледное круглое пятно, на котором блестели глаза и два золотых зуба.

– Ну, Олег, я ведь не виновата?! – всхлипнула я.

– Ну, а кто виноват? Я что ли? Меня тут и в помине не было. Вот скажи, на кого я должен списать убытки? На кого? И за чей счёт? На Вальку? Так я тебе могу сказать по секрету, где она была этой ночью. И знаешь, с кем?.. – подмигнул, засмеявшись. – Думаешь, ей не обидно будет? И потом, я же с тебя не требую всё сразу. Помаленьку выплатишь. Ну, ладно, посмотрим, если не уложишься в срок, потянем ещё месяц-другой, – и опять подмигнул, – если будем жить при полном согласии?

Я заплакала, от стыда и от раскаяния, и оттого, что утром так безрассудно упала этому человеку на грудь. Сквозь слезы сказала:

– Я на тебя в суд подам...

– Ты? Ха! Как это? Я-то тут причём? Скорее, сама на себя?

– Почему на себя? На тебя.

Он рассмеялся. Спросил:

– У тебя лицензия на право торговли на кого, а?

– На меня...

– Товар этот, на ком, а? Кто его принял на реализацию?

– Я...

– Так на кого ты пойдёшь жаловас-ца, а?

Я молчала.

– Так что подбери нюни и заткнись.

Я перестала плакать, вытерла ладонями слёзы с глаз, размазав остатки туши. И уже твёрже сказала:

– Ну что же, если лицензия на мне, товар на мне, то я, значит, никому ничего не должна. Я и платить не буду. Выметайся отсюда!

Теперь Олег вскинул удивлённые глаза, пристально посмотрел на меня. И уже другим тоном ответил:

– Но ты, сучка! Да я тебя... на одну ногу наступлю, а за другую раздирать буду. Посмотрим, как ты от такой ласки пороться будешь.

И, приподнявшись со стульчика, влепил мне оплеуху.

Я отлетела в глухой угол, в голове всё закружилось, в ушах зазвенело. Я по стене опустилась на пол, где утром меня нашёл хозяин.

– И запомни: не я на тебя работаю, а ты на меня. И поэтому, я, как хочу, так тебя и делаю. А задумаешь бежать, прятаться, разыщу и то, что пообещал, сделаю.

Молчал какое-то время, играя на калькуляторе, как на mine ионике.

Потом, наигрывая губами – пуф-пуф-пуф, – поднялся.

– Ладно. Жди Вальку, она немного задержится. Да приведи себя в порядок. А то поизмазалась, как Золушка. Я пошёл стекла заказывать, они тоже за твой счёт пойдут.

– Олег!

– Чё, Олег? Не надо было доводить покупателя до таких безобразий.

И уже на пороге добавил.

– А этого хмыря мы найдём. Он за всё заплатит. И из-под тебя мочу пить будет, тебе попку целовать. Спокойно Маша, я Дубровский! – подмигнул. – Я тебя в обиду не дам.

И ушёл.

Валя застала меня в углу киоска. Я лежала на боку вся испачканная пылью, чёрной краской – тушью, – и слабо постанывала. Валя осмотрела побитые витражи, недостающие в них предметы. В коробке с мусором, много стекла. Ей стало жутко. Страшная догадка обожгла мою напарницу. Она поняла, что ночью на киоск было нападение. Похоже, у неё под ложечкой засосало. Такого мы обе ожидали от смены к смене. Ждали, боялись, молили, и проносило. А мне не повезло.

Глядя на битые бутылки в коробке, склянки, пачки с рассыпанным печеньем, и прочее, что успел охватить растерянный взгляд, у неё в голове сразу запрыгали, как на калькуляторе, предварительные цифры ущерба. Я почему-то видела её мысли, но каким-то сторонним разумом. И даже её внутренний возглас услышала: "Боже мой!.." И то, как она пожалела меня: "Теперь Олег с неё не слезет, и в прямом, и в переносном смысле. Высосет соки, как паук из мухи. Я всего-то на двести рублей сделала растрату, и то – как белку в глаз подстрелил, достал уже. А тут?.. Ведь совсем ещё девчонка. Ой-ёй!.."

Чувствовала её жалость ко мне и к себе, и как запутанная нескладная жизнь эта накатила на неё горькой волной. Мне в этот момент стало жалко её, словно я уже была далека от неё, от жизни грешной, а ей ещё жить в ней и мучится...

– Галя!.. Галя?.. Вставай... – позвала она меня.

А я не могла. Боль, нестерпимая боль и рези внутри живота, подтянули к подбородку мои колени.

Плача, подруга присела передо мной. Положила руку мне на плечо, потрясла.

– Вставай... Что теперь уж... Такая уж наша жизнь, б...

А у меня изо рта выкатилась кровавая слюна.

– Ты что?!. Что случилось?..

Валя испуганно огляделась и увидела возле ящика бутылочку с уксусной эссенцией, наполовину опорожненную, и страшная догадка ошеломила её:

– Га-ло-чка!..

Я из последних сил выдавила из себя:

– Они меня оба, эти Дубровские... – и из меня горлом выплеснулась чёрная кровь.

Валю подпёрло удушье, тошнота от запаха крови и слащавой уксусной вони, и она убежала из киоска на улицу.

..."Скорую" долго не могли дожидаться, как и милицию. У одних забастовки из-за задержки заработной платы медикам, у других – заморочки с бензином.

Вале пришлось работать двое суток подряд, пока Олег не нашёл мне замену.

3

...Я вскинулся ото сна или бреда и ошарашенным взглядом уставился на стол, на стоящую недопитую бутылку водки на нём, куски хлеба, и на кота, который доедал последний кусок колбасы, вытащив её из тарелки. На кухне горел свет. Во рту пекло и по сухому горлу прополз кадык, как по наждачной бумаге. Я потянулся к бутылке и сделал два глотка прямо из горлышка.

Вновь отвалился на спинку стула и прислонился к стене.

– Фу-у... что это было?..

Глянул на часы на руке – половина четвёртого ночи. Как раз тот час, когда терроризировал Галку ночной посетитель.

Закрыв глаза. Но не для того, чтобы продолжить сон. Прежнее наваждение отбило его. А для того, чтобы осознать его, понять его смысл. Я как будто бы разом протрезвел, даже принятая доза похмелья меня не погружало в забытьё. Наоборот, завела мои мысли. Они как будто бы стали работать яснее, острее, и явственнее воспроизводить картину событий. И если раньше я знал лишь какие-то детали смерти Галки, то теперь я их сам пережил. Я их испытал на собственной шкуре. Я был в образе Галки. Теперь я чувствовал и её состояние, и драматизм

ситуации, и что самое главное – видел тех, кто довёл её до самоубийства. Кента с "заячьей" губой и жёлтое пятно под глазом. Есть такой жлобьяра, на него у меня и падало подозрение. Ходят слухи о его выходках. Димка тоже на него вышел.

Формально – этот акт можно признать суицидом, но по-человечески – это было убийство. И это наваждение меня в этом убедило окончательно. С её тонкой натурой, пережить такой стресс, надругательства, унижение... Галка сейчас предоставила мне такую возможность, прожить её состояние самому, последние часы её жизни. Отчего меня колотило изнутри.

Всё, теперь сошлись все недостающие детали этого преступления. Да, именно преступления!

– Так, Галка, картина ясная. Начнём охоту за этими Дубровскими... – теперь я был твёрдо убеждён, кто тот ублюдок, его портрет, созданный при моём расследовании, совпадал с тем, кого я видел сам в окошечке киоска, как фото двух близнецов. – Но прежде, чем им умереть, они будут исполнять то, что Олег пообещал своему одно псевдонимщику: – пить мочу! Пусть не твою, но им и моей за нас двоих хватит. Пройдут они у меня полный цикл уринотерапии. Галка, верь мне, иначе – не быть мне Дубровским!

Самогонокурение.

Проснувшись, Ангелинка встревожено осмотрелась. И в недоумении уставилась на свою пижаму, на свои руки. Тут же сбросила одеяло и побежала к большому зеркалу, что прикреплено к её платяному шкафу с обратной стороны дверцы. Открыла поспешно дверцу и увидела своё отражение. Покрутилась перед ним туда-сюда и облегчённо вздохнула.

– Фу-у... Это всего лишь сон!

Перед ней стояла подвижная улыбающаяся девочка десяти лет.

Но у Ангелинки было такое чувство, даже ощущение, как будто бы она сегодня пережила чью-то жизнь, и притом не радостную, сумбурную. А главное, она во сне представлялась пожилой женщиной, даже старушкой, униженной и смятенной. И образ тот, как будто бы до сих пор живёт в ней, довлеет и стесняет её. Она не в состоянии от него избавиться – так явственно представилась ночная картинка, так жизненно.

Нет, сама картина сна была несколько забавной и даже трогательной, и детали, воспроизведённые во сне, тоже казались интересными, поскольку о таком она никогда и нигде не слышала. Ну, разве в разговоре между дедом и бабушкой иногда. Да и то не до таких подробностей, как во сне, и не до бытовых мелочей. Да и дед с бабушкой вряд ли могли быть в те времена участниками подобных событий, поскольку они всегда были городскими жителями, если она не ошибается. Но даже если и жили в деревне, то уж больно молоды они были для тех сказочных времён. А тут... две старухи и старик.

Второй старушкой была Настёнка, подружка из соседнего дома. Внешне она даже чем-то походила на старушку. Забавная, и всегда весёлая, – а во сне серьёзная и даже строгая к своему старику Михею.

На кого походил дед Михей, Ангелинка не могла припомнить, да и виделась с ним во сне, какие-то минуты. Запомнила лишь, что был он в резиновых сапогах, в серых штанах, на колене четырёхугольная заплатка. Старик был хмур, задумчив и безучастен. Но сквозь серые брови поблёскивали смешливые глазки, и он изредка пощипывал прокуренные усы. На старом военном кителе, по случаю прихода к властям, висели медали: "За отвагу" и две юбилейные.

А пришли они именно в сельский совет, как поняла девочка из дальнейшего сна, хотя чёткого представления об этом учреждении не понимала.

... Они втроём сидят в коридоре перед залом заседания сельсовета на стульях.

Старушки в поношенных плюшевых курточках, в длинных юбках, на ногах у одной вельветовые полуботинки, у другой – суконные ботики. Обе в выцветших старых платках, повязанных домиком.

Старухи, то есть Ангелина и Настёна, негромко о чём-то переговариваются. Делятся новостями, и как будто бы не особенно радостными.

Михей большой, сидит прямо, ладони скрестив на суковатой палке.

Скрипит дверь зала заседания, и на пороге появляется мужчина лет сорока.

– Ффонцева, заходи! – говорит он хрипловатым басом.

Ффонцева, то есть Ангелина, встаёт, одёргивает куртку, поправляет платок на голове и, бросив прощальный взгляд на собеседницу, семенящим шажком в ботиках проходит в зал. Мужчина прикрывает за ней дверь.

За большим столом покрытый зелёным сукном сидит Председатель – молодой человек лет двадцати семи (Лёшка, с соседнего дома!), в костюме, при галстукe, в белой сорочке. Он строг, держится официально, перед ним бумаги и ручка.

Рядом с ним женщина (Валерка, с пятого этажа), и тоже строгая. Хотя эта строгость кажется напускной.

– Ффонцева Татьяна Яковлевна? – спрашивает Председатель.

– Нешто, Алёша, ты меня не признал? – удивляется посетительница, приостановившись у порога. Худенькое, потемневшее от старости лицо её кривится в смущении.

– Хм, – произносит в замешательстве Алёша. – Давай, баба Таня, так договоримся. Мы сейчас с тобой, как на суде. Мы судим тебя за самогонварение. Поэтому мы будем судьями, а ты подсудимой. Поняла?

Баба Таня согласно кивает, серые концы платка, как козлиная борода, мелко трясутся под подбородком.

– Вот и хорошо. А теперь подойди сюда, на середину, – председательствующий указывает ручкой перед столом.

Старуха повинуется.

К Алёше с правой стороны подсаживается мужчина (Прошка, с первого этажа соседнего подъезда), который приглашал самогонщицу в зал. Он одет легко, по-летнему, в светлую рубаху с расстёгнутым воротом. Держит себя степенно, важно. Тоже соблюдает строгость, соответствующая положению.

– Итак, начнём заседание, – говорит председательствующий.

Члены комиссии согласно кивают.

– Татьяна Яковлевна, вы, конечно, поняли, зачем мы вас вызвали?

– Дык, это... зачем?

Алёша удивлённо вскидывает голову.

– Ты что, баба Таня, не поняла? Я же сказал, что мы будем сейчас вас судить за самогонварение. С самогонкой тебя, то есть вас, застукали? Застукали. Полтора литра изъяли? Изъяли.

Старуха согласно трясёт "бородой".

– Отняли, Алёша, отняли... Если бы вы знали, как её, заразу, гнать на кастрюльке, да без холодильничке. Наверное, вся деревня пьяная ходила.

Члены комиссии оживляются. Блондинка (Валера), сидевшая с левой стороны от председателя, записывает ответ "подсудимой".

– Ты... Вы...

Похоже, Алёша никак не может настроиться на официальный тон. Смущённо кохыкает в кулак и начинает по-простому:

– Ты, баба Таня, слыхала о законе по борьбе с самогонварением и алкоголизмом? Слышала, я тебя спрашиваю? То есть – вас?

Молчание. Старушка тужится что-то припомнить или сформулировать ответ половчее, но не может. Руки ей мешают, она их прячет, то за спину, то сцепляет пальцы впереди себя. Наконец, они, поймав уголки платка под бородой, успокаиваются.

– Ты что, баба Таня, с Луны свалилась? Он уж второй год, как в силу вошёл, а ты будто бы и не знаешь. Знаешь, что есть такой закон?

– Верно, касатик, кажись, был. Про строгости слыхивали...

– Ну вот, закон знаешь, слыхивали, а почему нарушаете?

– Чего?..

– Указ, говорю, почему нарушаешь?

Старуха переминается с ноги на ногу.

– Дэк это... нужда, Алёшенька.

– Какая ещё нужда? По нужде самогон гонишь?

– Эдак, эдак, – поспешно соглашается старушка. – Водка-то, эвон какая стала дорогущая. Где ж её напасёшься? А тут ещё этот, сухой закон...

– А ты что, гулянки часто устраиваешь?

Алёшенька обводит смеющимися глазами своих коллег. Те снисходительно улыбаются.

– Дык каждую весну и осень. Веселюсь, а то и плачу. Жисть-то вишь, какая развесёлая, – баба Таня кончиком платка смахивает слезу. – Ты, Алёша, разве сам не понимаешь? Нужда, я говорю, будь она неладна... Кто ж без ентого дела, что делать будет мне? Э-э... – отмахнулась рукой.

– Ну, можно и за деньги.

– Конечно, можно. Почему нельзя? И за деньги можно. Так не хотят. Кто счас за деньги работает? Деньги мало кто берёт. Им, говорят, подавай счас жидкую валюту. Да оно маленько и подешевше с самогоночкой-то... Этот раз Проша вспахал огород, выпил баночку, а от денег отказался. Разве мне плохо?.. Спасибо тебе, Прохор Игнатич! Хороший ты человек. И похаешь ладно.

Старушка кланяется мужчине, сидящему с правой стороны от председателя.

– Ты, бабка, того, этого... не сваливай тут на личности, – ворчит Прохор Игнатьевич, нахмутив густые выгоревшие на солнце белёдые брови.

– Дык я что, касатик, – забеспокоилась бабка. – Я ж не со злом. Я ж тебя хвалю. Ты сердобольный, Проша. И пьёшь мало, и денег не берёшь. Другие...

– Ты зачем сюда пришла, бабка? – повышает голос "касатик", краснея.

– Дык это... вызывали. За самогонку, поди...

Старушка пригнула испуганно голову и заводила уголком платка по лицу, казалось, ещё немного, и она заплачет.

– Вот и отвечай. Следующий раз будешь знать, кого угощать, – ворчит Прохор.

– Дык это старый Михай, паразит, – всхлипнула она без слёз. – Пить пьёт, а как помочь чево попросишь, так не могёт, калека. Контузию военную где-то огрёб, сердешный. Не дала ему похмелиться... Да и то человек не по злобе сболтнул. Во хмелю был. Он сам здесь, – кивает на двери. – Пришёл каяться. И старуха Настася с ним. Ох, и шибко она его ругала. Ох, и ругала... Обещает, как накурят, так своей самогонкой вернут мне за туё, что у меня отняли...

Члены комиссии засмеялись. Старуха сконфуженно осеклась и подалась к столу.

– Тю! Чё я трёкаю? Вы не слушайте меня, старую дуру... Вы уж это, – вытянутой рукой показала на двери, – им ничё не говорите. Ладно?

– Ладно, ладно, бабка. Прикуси язык, – буркнул Прохор.

Блондинка, наклонясь к председателю, что-то негромко ему сказала. Тот одобрительно кивнул.

– Татьяна Яковлевна, – обращается она к бабке. – Возьмите стул, присядьте.

– Вот спасибо, деточки, – обрадовано засуетилась старушка. Берёт стул у стены и ставит его на то место, где только что стояла. Садится, облегчённо вздохнув. – Ноги-т совсем, язвы их, худы стали...

– Татьяна Яковлевна, вы о деле бы говорили. О том, о чём вас спрашивают. Лишнего не надо, – говорит женщина тоном учительницы младших классов.

Она выглядит привлекательной, аккуратненькой, с розовыми губками, располагает к себе. Благодаря её присутствию старушка чувствует себя несколько приободрённо. Женщина добавляет:

– И о Прохоре Игнатьевиче ничего говорить не надо. Мы его знаем. Он человек положительный.

– Этак, этак, – одобрительно кивает старуха. – Проша парень хороший, ничего не скажешь. Кабы все такими были, в совхозе жить легче было бы. Его только кликни, он завсегда. Доброй души человек и денег не берёт...

– Слушай бабка, перестань меня дёргать! – возмутился Проша, ёрзая на стуле. – О деле давай.

– А я чё? – стушевалась Татьяна Яковлевна и стала оправдываться. – И я о деле. Нешто я не понимаю?.. И самогоночку я чё, для плохих людей делаю? И чистая она у меня, без табака. Не для себя, а для дела. Когда нужда припрёт, чтоб способней было... Вон, в прошлый месяц, помнишь, Валерия Марковна, я к тебе приходила в правление? Насчёт боровка, подложить его надо было...

– Помню, Татьяна Яковлевна, – кивнула женщина в ответ в некотором смущении. – Но поймите меня. Не могла я тогда вам прислать ветеринара. Занят он был. Так вы уж не обессудьте.

– Да будет, будет, – отмахнулась старуха маленькой ручкой улыбочиво. – Бог с тобой. Я не в обиде. Я Костратыча и так потом сыскала. На ферме подкараулила. Тоже говорил, некогда. А когда сказала, что самогоночкой попотчую, пришёл, уважил. Во-от...

"Во-от" – произнесла ласково, с таким значением, словно всякое к себе участие воспринимает, как божескую милость.

– Это, значит, вы Антона Калистратовича пьяным напоили?

– Бог с тобой, касатушка! Костратыч много не пьёт. Он только два стаканчика выпил, когда кастрировать пошёл. Да два после. И всего-то... А денег не взял. Да-а. А чтоб пьяным?.. Не-ет, что ты. Он не шатался. Он сам говорил, что ему некогда, всё на ферму торопился.

– Понятно, – раздумчиво говорит Валерия Марковна.

– Нет-нет, ты не сумлевайся, касатушка. Он мужик хороший. К нему только подход нужен. А без еного дела, какой подход? Он, как Проша... – сказала и осеклась под горящим от негодования взглядом Прохора, казалось, ещё немного и он бабку обругает.

– Баба Таня, ты нам толком можешь объяснить, почему ты стала самогонщицей, – спрашивает председатель, скрывая усмешку.

– Ну-у, это, почитай, у нас сызмальства, – улыбается баба Таня, оголив ряд мелких зубов. – Я, помню, ещё вот такусенькой была, своему деду её делать пособляла. Я ему, помню, щепу ношу, а он в кастрюльке бражку курить...

– Баба Таня, ты нам об истории самогонварения не рассказывай. Мы и без твоей лекции кое-что смыслим в этом деле, ну и прочее... Ты конкретно, о себе. Почему ты взялась за самогонокурение? Ведь ты закон нарушила.

– Дык, Алёша, касатик, куда ж я без неё? Она мне и огород пашет и дрова возит. А не будь у меня её, хоть ложись да помирай... – всхлипывает. – Это когда я работала в колхозе, потом в совхозе, то совхоз мне мало-мальски помогал, жить можно было. А теперь всё, как на пенсию пошла, я – отрезанный ломоть. Это ладно ты в анженерах ходишь, своей бабке бес-

платно пособляшь. А мне кто? Одна как перст осталась! – У старухи заслезилась глаза, голос задрожал. – Сама работать боле не могу. Пенсии 32 рубля 42 копейки. Попробуй, поживи...

– Ладно, баба Таня, – останавливает Алёша старухины причитания, – нам всё ясно. – Смотрит на членов комиссии, те согласно кивают. – Ты выйди сейчас в коридор, посиди там. А мы посоветуемся. Иди.

Старушка со вздохами поднялась и, вытирая концами платка глаза, семенит к двери, постукивая резиновой подошвой суконных ботишков.

2

Через несколько минут Прохор вновь приглашает самогонщицу в зал заседаний.

За столом стоят Алёша и Валерия Марковна. Председатель, держа перед собой лист бумаги, судейским голосом зачитывает решение:

– Заслушав дело о нарушении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР¹ «О мерах по усилению борьбы против пьянства, алкоголизма и самогонварения» товарищем Ффонцевой Т. Я., неработающая, пенсионерка, беспартийная, русская, полтора класса образования, комиссия по борьбе с пьянством и самогонварением постановляет...

Старуха замирает. Глаза расширены, губы заметно подрагивают. На лице страх и ожидание.

¹ Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.05.85 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.